

Он дает дыхание, и сила — Его дар.
Высшие Божества чтят Его заповеди.
Его тень — это жизнь; Его тень — это смерть.
Кто же Он — Тот, Кому мы готовы принести жертву?

Могущество сделало Его господином живого светлого мира.
Он правит землей, людьми и животными.
Кто же Он — Тот, Кому мы готовы принести жертву?

Его силой созданы горы, моря и далекие реки;
Это Его тело и Его руки.
Кто же Он — Тот, Кому мы готовы принести жертву?

Он сотворил небо и землю; Своей волей определил
их место.
И все же небо и земля с трепетом смотрят на Него.
Солнце встает и освещает Его.
Кто же Он — Тот, Кому мы готовы принести жертву?

Он окинул взглядом воды, вместившие Его мощь
и породившие жертву.
Он — Бог над Богами.
Кто же Он — Тот, Кому мы готовы принести жертву?

Помилует ли Он нас — Тот, Кто создал землю,
сотворил небо и сияющее море?
Кто Он — Тот, Кому мы готовы принести жертву?

Веды

Глава 1

Когда на ферме Уэйнов в Вермонте, неподалеку от Питтсфорда, убрали урожай, когда заготовили на зиму дрова, а земля покрылась первым легким снегом, на закате дня Джозеф Уэйн подошел к креслу возле камина и предстал перед отцом. Мужчины были очень похожи. Обоих отличали высокие крепкие скулы и крупный нос; казалось, их лица слеплены из материала более прочного и долговечного, чем человеческая плоть, — из не подвластной воздействию времени каменистой субстанции. Черная шелковистая борода Джозефа была достаточно редкой, чтобы позволить рассмотреть смутные очертания волевого подбородка, а длинная борода старика давно побелела. Время от времени он осторожно ее гладил, предусмотрительно закручивая концы внутрь. Потребовалось время, прежде чем отец поднял безмятежные, мудрые, небесно-голубые глаза и заметил присутствие сына. Глаза Джозефа — такие же голубые — горели нетерпением и любопытством молодости. Сейчас, стоя

перед отцом, Джозеф волновался, не решаясь признаться в новой ереси.

— У нас слишком мало земли, сэр, — робко проговорил он.

Старик поправил на худых прямых плечах пастуший плед и спросил мягким, созданным для простых и правдивых речей голосом:

— На что хочешь пожаловаться, Джозеф?

— Слышали, что Бенджи ухаживает за девушкой, сэр? Весной собирается жениться. Скорее всего, осенью родится ребенок, а следующим летом подрастет еще один. Земля не способна растягиваться, сэр. Всем места не хватит.

Старик медленно опустил глаза и посмотрел на свои вялые, сложенные на коленях пальцы.

— Бенджамин еще ничего мне не говорил. Впрочем, Бенджамин никогда не внушал доверия. Ты уверен, что он ухаживает всерьез?

— Рэмси объявили о помолвке в Питтсфорде, сэр. Дженни Рэмси ходит в новом платье и выглядит симпатичнее, чем обычно. Сегодня я ее встретил, но она сделала вид, что не заметила меня.

— А! Тогда, наверное, так и есть. Но Бенджамин должен сам сказать.

— Видите ли, сэр, на всех нас земли не хватит.

Джон Уэйн снова поднял глаза.

— Земли достаточно, Джозеф, — проговорил он невозмутимо. — Бертон и Томас привели жен домой, и все благополучно разместились. По возрасту ты следующий. Пора жениться, Джозеф.

— Всему есть предел, сэр. Земля не прокормит такое количество едоков.

Взгляд отца заострился.

— Ты сердит на братьев, Джозеф? Возникла ссора, о которой я не слышал?

— Нет, сэр, — ответил сын. — Просто ферма слишком мала. К тому же, — он склонился к отцу и заговорил тише, — я давно мечтаю о собственном хозяйстве, сэр. Читал, что на западе есть хорошая дешевая земля.

Джон Уэйн вздохнул, снова погладил бороду и закрутил ее концы внутрь. В комнате повисло задумчивое молчание. Джозеф стоял перед отцом, ожидая решения.

— Если бы ты подождал год, — наконец проговорил старик. — В тридцать пять лет год-другой ничего не значат. Если бы согласился подождать год — точно не больше двух, — я бы не стал возражать. Ты не старший из моих сыновей, Джозеф, однако мне всегда казалось, что благословение принадлежит тебе. Томас и Бертон — хорошие люди, верные сыновья, но благословение я хранил для тебя, чтобы ты смог занять мое место. Сам не знаю почему. В тебе больше силы, чем в братьях, Джозеф. Больше уверенности и глубины.

— Но идет заселение западных земель, сэр. Достаточно всего лишь прожить там год, построить дом и начать пахать, чтобы участок стал твоим. Никто и никогда не сможет его забрать.

— Знаю, слышал. Но представь, что уедешь сейчас. Лишь письма поведают мне, как ты живешь и что делаешь. А спустя год — не больше чем два — сам отправлюсь с тобой. Я уже стар, Джозеф. Да, отправлюсь с тобой — полечу по воздуху, над твоей головой. Своими глазами увижу, какую землю выберешь и что за дом построишь. Все это очень интересно. Может быть, время от времени даже смогу тебе помогать. Например, если вдруг потеряется корова, подскажу, где ее найти: ведь с высоты далеко видно. Подожди немного, Джозеф, и тогда уезжай.

— Но землю быстро разбирают, — упрямо возразил Джозеф. — Прошлый век закончился уже три года назад. Пока буду ждать, все хорошие участки займут. Мне нужна своя земля, сэр. — В голубых глазах вспыхнул лихорадочный, голодный огонь.

Джон Уэйн несколько раз кивнул и плотнее запахнул плед.

— Вижу, что тобою движет не минутное беспокойство, — проговорил он задумчиво. — Может быть, смогу найти тебя позже, когда придет мой час. — И продолжил уже решительно: — Подойти ко мне, Джозеф. Положи ладонь сюда... нет, вот сюда. Так делал мой отец. Старинный обычай не обманет. Хорошо, оставь ладонь там! — Он склонил седую голову. — Да пребудет с этим сыном благословение Господне и мое благословение. Пусть он живет в сиянии светлого Лица. Пусть любит свою жизнь.

Джон Уэйн на миг умолк и произнес главные слова:

— Теперь, Джозеф, можешь отправиться на запад. Я тебя отпускаю.

Вскоре пришла зима, на землю лег глубокий снег, а воздух насквозь промерз и стал колючим. Целый месяц Джозеф бродил по комнатам, не в силах расстаться с молодостью и теми вещами, которые живо напоминали о ней, однако отцовское благословение отсекло все связи. Он стал чужим в родном доме и почувствовал, что братья обрадуются отъезду. Отправился в путь еще до прихода весны, а когда прибыл в Калифорнию, увидел, что холмы покрыты сочной зеленой травой.

Глава 2

После долгих скитаний Джозеф приехал в обширную долину под названием Нуэстра-Сеньора, где занял и зарегистрировал участок земли. Нуэстра-Сеньора — названная в честь Пресвятой Девы протяженная долина в центральной Калифорнии — встретила его разноцветьем пышной растительности. В зарослях дикого овса желтели канареечные цветы горчицы. По узкому лесистому убежищу, по каменистому руслу с шумом мчалась река Сан-Францискито. Вдоль океанского берега тянулись две параллельные гряды холмов. Они замыкали узкое пространство, с одной стороны ограждая его от морской стихии, а с другой — за-

щищая от прилетавших из долины Салинас резких ветров. Далеко на юге холмы расступались, чтобы выпустить реку на волю, а возле этого величественного портала приютилась церковь и вырос крохотный городок Пресвятой Девы. Глиняные стены храма стояли в окружении убогих хижин мексиканских индейцев. Хотя сейчас церковь часто пустовала, святые обветшали, черепица с крыши обвалилась и неопрятной кучей лежала рядом, а колокола разбились, эти люди по-прежнему жили здесь: отмечали свои праздники, танцевали хоту на плотно утрамбованной земле и спали на солнце.

Зарегистрировав право на землю, Джозеф Уэйн безотлагательно отправился на свой участок. Под широкополой шляпой возбужденно сияли голубые глаза; ноздри жадно вдыхали ароматы долины. Всадник был одет в новые джинсы с медными заклепками на поясе, голубую рубашку и жилет со множеством карманов. На новых сапогах с высокими каблуками сверкали серебряные шпоры. По дороге ему встретился старый мексиканец, который устало брел обратно в городок. Когда Джозеф подъехал ближе, загорелое морщинистое лицо вспыхнуло радостью. Незнакомец снял шляпу и отошел в сторону.

— Где-то праздник? — спросил он вежливо.

Джозеф рассмеялся.

— Получил в долине сто шестьдесят акров земли. Собираюсь здесь жить.

Глаза прохожего замерли на притаившемся под ногой Джозефа зачехленном ружье.

— Если увидите оленя, сеньор, и убьете, вспомните о Старике Хуане.

Джозеф поехал дальше, однако отозвался через плечо:

— Как только построю дом, непременно устрою праздник и приглашу тебя, Старик Хуан.

— Мой зять играет на гитаре, сеньор.

— Значит, он тоже придет, Старик Хуан.

Шурша копытами по сухим дубовым листьям, задевая железными подковами торчащие из земли камни, лошадь энергично пошла дальше. Дорога вела вдоль берега реки, по длинной лесной полосе. Под пологом деревьев Джозеф пережил робость и волнение, словно юноша перед свиданием с опытной и прекрасной женщиной. Лес заворожил и ошеломил. В переплетении веток и побегов, в прорезанном рекой среди деревьев длинном зеленом углублении, в блестящем подлеске присутствовала странная женственность. Бесконечные зеленые залы, коридоры и альковы таили смыслы столь же неясные и многообещающие, как символы некой древней религии. Джозеф вздрогнул и прикрыл глаза. «Может быть, я заболел, — подумал он. — Открыв глаза, пойму, что все это — лихорадка и бред». Чем дальше он ехал, тем больше боялся, что окружающая красота окажется горячечным сновидением и сменится сухим пыльным утром. Зацепившись за ветку толокнянки, с го-

ловы слетела шляпа. Джозеф спешился, чтобы ее поднять, а когда наклонился, бережно прикоснулся ладонью к земле. Хотелось поскорее сбросить странное ощущение нереальности. Он взглянул на верхушки деревьев, где в солнечных лучах трепетали листья и хрипло пел ветер. Снова сел верхом и понял, что никогда не утратит страстной любви к земле. Скрип седла, тихий звон шпор, скрежет лошадиного языка по мундштуку сливались в прекрасную, вторившую живой пульсации мелодию. Джозеф чувствовал себя так, словно очнулся от долгого забытья и внезапно обрел чувства; словно только что проснулся после беспробудного сна. В глубине сознания таилась мысль о собственной неверности. Прошлое, родной дом и все события детства утонули в туманной мгле; он понял, что должен найти способ сохранить воспоминания. Если не сопротивляться, новая земля захватит и поглотит целиком, без остатка. Чтобы что-то противопоставить силе природы, Джозеф начал думать об отце: о его спокойствии и умиротворении, о силе и бесконечной правоте. Постепенно различия исчезли; стало ясно, что никакого конфликта нет, что отец и эта земля — единое целое. Джозеф испугался.

— Отец умер, — прошептал он. — Должно быть, мой отец умер.

Лошадь вышла из прибрежного леса и зашагала по гладкой извилистой тропе, очертаниями напоминавшей след питона. Тропу эту протоп-

тали копыта и мягкие лапы одиноких пугливых зверей, которые ходили по ней, словно радуясь даже призрачной компании. Бесконечные истории сменяли друг друга на каждом шагу. Вот тропинка почтительно огибала большой раскидистый дуб, где когда-то давным-давно пума поймала добычу и пометила место, чтобы преградить путь соперникам. А вот обходила стороной гладкий камень, где гремучая змея любила согревать свою холодную кровь. Не пропуская ни единого предупреждения, лошадь мудро выбирала середину дороги.

Неожиданно тропа привела на просторный луг, в центре которого, подобно зеленому острову посреди светлого озера, высилась дубовая роща. Подъезжая к деревьям, Джозеф услышал отчаянный предсмертный визг. Он обогнул рощу и увидел огромного кабана с загнутыми клыками, желтыми глазами и потрепанной рыжей гривой. Зверь жадно пожирал еще живого поросенка. Дикая свинья и пятеро уцелевших поросят в ужасе убежали прочь. Едва почуяв посторонний запах, вепрь на миг замер, однако лишь фыркнул, вернулся к визжащей жертве и продолжил трапезу. Джозеф натянул поводья. Лицо исказилось гневом; глаза побледнели, став почти белыми.

— Черт подери! — громко воскликнул он. — Ешь других тварей, а не собственных детей!

Он выхватил из чехла ружье и прицелился между желтых глаз. Однако в следующий миг на-

пряженный палец ослаб, так и не нажав на курок, и ствол опустился. Джозеф коротко рассмеялся.

— Слишком много на себя беру, — проговорил он вслух. — Этот кабан уже произвел на свет полсотни поросят и произведет еще столько же.

И поехал своей дорогой, оставив зверя в покое.

Тропа повела вдоль длинного узкого холма, надежно защищенного кустарником: ежевика, толокнянка и дуб заостренный переплелись так плотно, что даже кроликам пришлось прогрызать в зарослях тоннели. Дорога поднялась на гребень и привела к полосе разнообразных дубов: здесь росли дуб американский, дуб виргинский и дуб белый. Среди ветвей возник крошечный белый клочок тумана и тут же легко взлетел над верхушками деревьев. Вскоре за ним последовал другой прозрачный лоскут, а потом еще и еще один. Становясь все больше и больше, они парили подобно частично материализованному привидению, пока не наткнулись на поток теплого воздуха и, став маленькими облачками, не поднялись в небо. По всей долине рождались и уносились ввысь хрупкие крошечные облачка. Наверное, точно так же из спящего города улетают души умерших. Казалось, они исчезали в голубом просторе, однако солнце отдавало им часть своего тепла. Лошадь подняла голову и принюхалась. На вершине холмистой гряды возвышались огромные земляничные деревья. С суеверным страхом Джозеф заметил, насколько эти странные создания на-

поминают человеческие мускулы: длинные красные сучья торчат, как освежеванная плоть, и извиляются, как тела на дыбе. Проезжая мимо, Джозеф прикоснулся к одной из веток: кора оказалась холодной, гладкой и жесткой. Однако на концах ужасных побегов росли блестящие ярко-зеленые листья. Земляничное дерево — жестокое и страшное растение. В огне оно кричит от боли.

Джозеф поднялся на вершину и посмотрел вниз — на простор своих новых владений, где от легкого ветерка перекатывались серебристые волны дикого овса, где в прозрачном вечернем свете синели островки люпинов, где маки на соседних холмах напоминали яркие солнечные лучи. Он остановился, чтобы впитать красоту обширных лугов, в которых царственно возвышались группы виргинских дубов, правя миром. Следуя собственному причудливому замыслу, по долине капризно струилась прикрытая деревьями река. Впереди, на расстоянии двух миль, возле огромного старинного дуба белело крошечное пятнышко: палатка, которую Джозеф поставил и тут же покинул, чтобы зарегистрировать право на землю. Сейчас он долго сидел неподвижно, любуясь долиной и чувствуя, как тело заливают горячая волна любви.

— Все это мое, — тихо, просто проговорил он. Глаза наполнились слезами, а сознание с трудом приняло удивительную новость. Он до жалости, до боли любил траву и цветы; деревья были его детьми; сама земля была его ребенком. На миг